

A man and a woman are shown in a close, intimate pose. The man, on the left, has dark hair and a light beard, wearing a black leather mask that covers his eyes and nose. He is dressed in a black leather suit with a white shirt and a black bow tie. The woman, on the right, has blonde hair and is wearing a black leather mask with cat ears. She is also wearing a black leather outfit. The man's hand is gently touching the woman's chin. The background is a deep red with faint, dark patterns.

ТЫ МОЙ ASMR

Роман - сериал

18+

Мила Моро

ТЫ мой ASMR

«Автор»

2026

Моро М.

ТЫ мой ASMR / М. Моро — «Автор», 2026

Она изучает ASMR и уверена, что знает, как работает чужая реакция. Пока один низкий голос не заставляет её собственное тело ответить первым. На закрытом маскараде Мила Королёва заключает пари: за две недели заставить незнакомца в маске Волка играть по её правилам — без имён, лиц и поисков друг друга. Она ещё не знает, что Волк — Максим Орловский, тридцатисемилетний президент NewFlow, в чьей компании она начинает исследование. Днём они выводят друг друга из равновесия. Ночью — говорят вслепую, узнавая голос, запах и прикосновения быстрее, чем лица. Но что случится, когда тело узнает правду раньше разума — и маски перестанут защищать?

© Моро М., 2026

© Автор, 2026

Мила Моро ТЫ мой ASMR

Глава 1. Резонанс

Сначала откликается кожа. Имя можно узнать потом
Из заметок к исследованию

МАКС

— Ну вот. Ещё один удачный день. Чем не жизнь в тридцать семь?

Максим Орловский откинулся в кожаном кресле и медленно прокрутил между пальцами массивную перьевую ручку.

День действительно удался.

Переговоры завершились на нужных условиях, документы по слиянию сошлись почти без замечаний, а проекты NewFlow, требовавшие постоянного внимания, впервые за неделю не пытались одновременно загореться в трёх разных точках мира.

Макс любил такие дни.

Когда всё укладывалось в цифры, сроки и принятые им решения.

Контроль вообще был самой надёжной формой спокойствия.

В просторном кабинете лежал мягкий предвечерний свет. За панорамным стеклом золотилась Москва, а в воздухе оставался едва уловимый шлейф его парфюма — горький бергамот, сухой табак и холодная дымная кожа.

Макс протянул руку к интеркому и нажал матовую клавишу:

— Елена Викторовна, зайдите, пожалуйста, как освободитесь. И захватите планшет с отчётом.

Алекс, стоявший у окна, даже не повернулся. Внизу Москва уже начинала захлёбываться вечерними пробками.

— Сити всё-таки умеет подавлять масштабом, — задумчиво произнёс он. — Набережная, Воробьёвы... Слушай, Макс, тут, наверное, закаты сумасшедшие. Идеальная картинка для соцсетей.

Орловский усмехнулся, поднялся и подошёл к скрытому в стене бару.

— Переезжай из своего пригорода сюда — будешь любоваться каждый день.

Он налил в низкий стакан ледяной минералки.

Кубик льда тихо ударился о стекло.

— Нет уж. Ты знаешь, я ближе к земле. — Алекс наконец обернулся и повёл плечом. — Окно бы открыть. Душно. Хочется живого воздуха.

Макс сделал глоток.

— Какого именно?

— В смысле?

— Ты в самом сердце Сити, Алекс. Здесь другой состав атмосферы. Деньги, амбиции, дорогой кофе и лёгкий дефицит кислорода.

Алекс рассмеялся:

— Ну разумеется. Когда за тобой стоят заводы, логистические узлы и сеть бутик-отелей по Европе, можно позволить себе дышать чистыми амбициями.

Макс поставил стакан на мраморную стойку и подошёл к окну.

— Без твоей дипломатии на переговорах сегодня было бы веселее. Спасибо, что подстраховал.

— Ещё бы. Какой нормальный человек назначает финальную вычитку контрактов на воскресенье?

— График не смотрит в календарь.

— Зато я смотрю.

Алекс демонстративно поднял запястье.

— Три часа дня. Воскресенье. Нормальные люди уже живут.

— День в самом разгаре.

— Вот именно. Хватит чахнуть над договорами. Мы заслужили главный приз.

Макс покосился на него:

— Боюсь спрашивать.

— Закрытый бал-маскарад.

Орловский едва заметно поморщился.

— Маскарад?

— Не делай такое лицо.

— Какое?

— Будто я предложил тебе надеть колготки и спеть в метро.

Макс хмыкнул.

Спонтанные идеи Алекса временами утомляли, но именно его неиссякаемая энергия не раз спасала их общие проекты. Алекс обладал почти противоестественной способностью верить в людей. По его версии мира злых не существовало — были только счастливые и заблудившиеся.

Максу эта философия казалась очаровательной.

И совершенно нежизнеспособной.

— Серьёзно? — переспросил он. — Бал-маскарад?

Ответить Алекс не успел.

В дверь негромко постучали, и в кабинет вошла Елена Викторовна — бессменная ассистентка, работавшая с семьёй Орловских ещё со времён его отца. В руках она держала планшет.

— Максим Витальевич, вы просили зайти.

— Да. Спасибо. И отдельно спасибо за документы по слиянию. Вы сегодня сотворили чудо. На следующей неделе выберите любой удобный выходной и выпишите себе премию. Распоряжение я подтверждаю.

Она поправила очки и мягко улыбнулась:

— Всегда рада помочь. Ваш отец тоже говорил, что лучшие сделки закрываются в тишине воскресенья.

Алекс просиял:

— Ба! Теперь понятно, откуда у трудоголизма ноги растут. Наследственность.

Макс только качнул головой и вернулся к столу.

— Что у нас завтра?

Елена Викторовна открыла расписание:

— Две встречи, видеоконференция с Токио и университетское исследование по стресс-адаптации топ-менеджмента.

Макс поднял глаза.

— Какое исследование?

— Экспериментальная часть кандидатской диссертации. Совет директоров утвердил участие на прошлой неделе, пока вы были в разъездах.

— Точно! — оживился Алекс и рухнул на кожаный диван. — Мы теперь официально лабораторные крысы.

Макс медленно перевёл на него взгляд.

— Мы?

— Именно. Ближайшие две недели. Придёт исследовательница, подключит свои приборы, даст послушать всякое сенсорное колдовство и начнёт фиксировать, насколько мы нервные.

Он вытащил телефон.

— Так что, братец, готовься к ASMR.

Макс нахмурился:

— К чему?

— Сейчас узнаем.

Алекс уже разблокировал экран:

— Так... Что такое ASMR...

— Завтра, — оборвал его Макс. — Координация эксперимента на тебе. Ты любишь инновации — наслаждайся.

— Как скажешь.

— Елена Викторовна, вторую встречу перенесите. Токио оставляем в приоритете.

— Сделаю.

Когда за ней закрылась дверь, Макс снова повернулся к Алексу:

— Так. На чём мы остановились?

— На спасении твоей личной жизни.

— Мы точно говорили о маскараде.

— Это одно и то же.

Алекс поднялся.

— Благотворительный вечер. Закрытый формат. Именные приглашения, никакой прессы, никакого кричащего шоу-бизнеса. Всё конфиденциально. Наденешь маску — и, возможно, тебя даже не узнают. Побудешь в тени, как ты любишь. Живой джаз, хорошее шампанское и, главное, никаких знакомых лиц.

Макс посмотрел на него внимательнее.

Алекс мгновенно заметил перемену.

— Вот. Я знал, на чём тебя взять. Хотя бы один вечер тебе не придётся отбиваться от женщин, которые смотрят на тебя как на инвестиционный портфель с плечами.

Макс рассмеялся:

— Уже интереснее.

— Правда...

Алекс замялся.

— Что?

— Полина.

Улыбка исчезла с лица Макса.

— Что Полина?

— Недавно вернулась из Монако. Очень рада, что ты снова в Москве. И, кажется, тоже собиралась на этот бал.

— Под маской она меня не узнает.

Алекс выразительно посмотрел на него.

— Орловский, меня там действительно могут не узнать. Но ты слишком заметный, особенно для женщин, которые тебя уже знают. Как Полина говорила? «Походка хищника»?

Макс сдвинул брови:

— Она замужем.

— Это когда-нибудь её останавливало?

— Не думаю.

Он отвернулся к окну.

— И хватит делать вид, будто она «моя». Полина никогда не была моей.

Алекс поднял ладони:

— Принято.

Максу вообще претили разговоры о его внешности, походке и впечатлении, которое он производил. Он прекрасно понимал собственное влияние на людей и охотно использовал его там, где оно приносило пользу: на переговорах, в сделках, в ситуациях, где чужая слабость стоила дорого.

Всё остальное давно наскучило.

Особенно отношения, в которых стоимость часов замечали раньше, чем человека.

— В общем, не суть, — продолжил Алекс. — Пусть теряют голову.

— Великодушно.

— Женщины, потерявшие голову, вообще становятся интереснее.

Макс прищурился:

— Кто это сказал?

— Я.

— Гениально.

— Запиши.

— После бала.

Алекс расплылся в улыбке:

— Значит, едем?

Макс ещё раз посмотрел на безупречно выстроенный город за стеклом.

На сегодня всё было закончено.

Возможно, несколько часов бесполезной анонимности действительно не повредят.

Он взял со стола телефон.

— Едем.

МИЛА

— Согласитесь, девочки, моя идея с балом — просто космос! Просто отпад!

Марго медленно подняла идеальную бровь.

— Это на каком языке, Ксюш?

— На языке трендов, дорогая.

Ксюха отпила шампанского и с видом хозяйки вечера обвела рукой зал.

— Сюда посторонних не пускают. Контингент железный. Никаких случайных прохожих.

Люди уважаемые, интеллигентные, с глубокими карманами. Ну не умница ли я?

Марго поправила тонкий золотой браслет:

— Гениальная. Думаю, если твой бывший здесь, он узнает тебя даже в полной темноте.

По фирменной экспрессии.

Ксюха оскорблённо прижала ладонь к груди.

— Это образ для вечера. Я специально подбирала. И вообще, мы расстались. Окончательно.

Мила лениво покрутила трубочкой колотый лёд.

Тонкий звон коснулся стекла.

— В сто пятый раз за три месяца?

— Девочки, забудьте!

Ксюха театрально взмахнула рукой и едва не задела проходящего официанта.

— Бал такого уровня бывает раз в жизни. Оглянитесь вокруг. Я найду себе кого-нибудь более достойного.

Ксюха принадлежала к редкой породе людей, у которых даже личная катастрофа через сорок минут превращалась в новый жизненный этап. Рыжеволосая, миниатюрная и неистребимо оптимистичная, она встречала любые драмы девизом «всё к лучшему» — и каким-то чудом каждый раз умудрялась в это верить.

У Милы было иначе.

За плечами — одни серьёзные отношения. Два спокойных года и такое же спокойное расставание по её инициативе.

Не совпало.

Этой формулировки хватило и Кириллу, и друзьям, и ей самой.

На самом деле всё было сложнее.

Ничего не болело.

Не горело.

Не било током.

Не случалось тех самых нелепых, почти подростковых мурашек, над которыми она могла иронизировать сколько угодно, но в существование которых почему-то продолжала верить.

Миле хотелось резонанса.

Не бытовой совместимости.

Не красивой анкеты.

Не мужчины, с которым удобно бронировать отпуск за четыре месяца.

Отклика.

Такого, чтобы тело успело сказать «да» или «беги» раньше, чем разум составит аналитическую таблицу.

Главный зал старинного особняка выглядел именно так, как и должен выглядеть вечер, куда невозможно купить обычный билет.

Венецианскую классику организаторы смешали с современными световыми инсталляциями: в зеркальных колоннах дробились лица, маски и золотистые блики, пространство каза-

лось глубже и выше, чем было на самом деле. Медленно вращающиеся под потолком сферы бросали на стены тонкую световую паутину.

Гости двигались внутри неё почти бесшумно.

Шёлк.

Бархат.

Тёмные смокинги.

Блеск бокалов.

Чужие голоса, приглушённые масками.

Со сцены лился живой джаз — мягкий, густой, почти телесный. Контрабас отзывался где-то под рёбрами, щётки барабанщика шуршали по малому барабану так, словно кто-то проводил ладонью по шероховатой ткани.

Мила невольно прислушалась.

Хорошо.

Очень хорошо.

Но не оно.

— Может, уйдём? — предложила Марго. — У меня под этой маской уже лицо горит. Я знаю одно закрытое лаундж-место неподалёку...

— Сидеть, — безапелляционно скомандовала Ксюха. — Пока я не встречу своего принца, никто отсюда не уйдёт.

Она критически осмотрела Марго.

— И вообще, кто заставлял тебя приходить божьей коровкой?

— Это Леди Баг.

— Я и говорю. Божья коровка.

— Моя племянница от неё в восторге. Ты ничего не понимаешь в современных маскарадных тенденциях.

Ксюха показала ей кончик языка.

Марго прищурилась:

— А ты тогда кто? Мисс Саранча?

— Я — её высочество бабочка «Павлиний глаз». Великолепна. Уникальна. Недоступна простым смертным.

Мила негромко стукнула десертной вилкой по краю фарфоровой тарелки.

Дзинь.

Обе повернулись к ней.

— Так, фауна. Зоопарк закрыли.

Ксюха прыснула.

— Между прочим, я здесь почти по научной необходимости. У меня на кону ключевой этап кандидатской, а вы ведёте себя так, будто мы попали на закрытый аукцион в Монако и решили срочно разобрать лоты.

— Мы изучаем среду, — невозмутимо заявила Марго.

— Особенно мужскую её часть, — добавила Ксюха.

— Вот её вы изучаете с подозрительно высокой мотивацией.

Они рассмеялись.

Марго подперла подбородок ладонью и обвела зал глазами.

— И всё-таки посмотрите на них. Настоящее высшее общество. Статус, воспитание, наследственные капиталы...

Мила чуть улыбнулась:

— Эстетика выдержана безупречно.

— Мил!

— Что?

— Я пытаюсь говорить о мужчинах.

— А я — об оформлении вечера.

— Бездёжна.

Ксюха допила шампанское.

— Все эти холёные персонажи обычно считают себя недостижимыми. Сначала смотрят на обёртку, потом удивляются, что внутри тоже человек.

Зал постепенно заполнялся.

Ксюха, для которой сидеть дольше трёх минут подряд, вероятно, было физиологически невозможно, поднялась, поймала официанта, обновила заказ и тут же начала пританцовывать возле стола.

Марго проводила её взглядом.

— Мил...

— М-м?

— Ты ведь ASMR для кандидатской исследуешь?

— Да.

— Триггеры, голос, звук?

Мила кивнула.

Холодное шампанское легко защемило язык.

— А почему ты сама ничего такого не чувствуешь?

— Какого?

— Ну... ваших мурашек. Покалываний. Всей этой нервной магии.

Мила чуть улыбнулась.

— Потому что знать, какие триггеры чаще вызывают отклик, и самой на них реагировать — не одно и то же. Я работаю с тембром, ритмом, паузами, шёпотом, близкими звуками. Могу выстроить сессию так, чтобы у чувствительного слушателя появилась реакция. Но сама...

Она слегка повела плечом.

— Пока не встретила свой триггер.

Ксюха мгновенно вернулась к столу.

— Это как читать студентам лекции о страсти и самой никогда не влюбляться.

— Спасибо, профессор.

— Обращайся.

Мила снова прислушалась к джазу.

Щётки мягко прошуршали по барабану.

Ничего.

— Я ищу этот звук, — задумчиво сказала она. — Хочу понять, существует ли он вообще. Для меня.

Марго улыбнулась:

— Зато шепчешь ты гипнотически. Это факт. Твой рабочий голос вообще невозможно узнать.

— В каком смысле?

— В прямом. Обычная Мила сидит передо мной, пьёт шампанское и язвит. А потом ты заходишь в студию, надеваешь наушники — и вдруг говоришь так, будто знаешь о человеке что-то, чего он сам о себе не знает.

Мила рассмеялась:

— Это техника.

— Конечно.

— Именно.

— Наука, — серьёзно подтвердила Ксюха. — Очень опасная наука.

Мила собиралась ответить, но в противоположном конце зала произошло едва заметное движение.

Тяжёлые двери распахнулись.

Вошли двое мужчин.

Первый почти сразу смешался с гостями.

Второй задержался у входа.

Всего на несколько секунд.

Этого хватило.

Несколько женских голов повернулись почти одновременно.

Он был высоким. Широкоплечим. Смокинг сидел безукоризненно, но не одежда заставляла задержать взгляд.

Сам мужчина.

Лицо скрывала чёрная кожаная маска Волка. Матовая, без театрального блеска, она подчёркивала сильную линию подбородка и оставляла открытой нижнюю часть лица. Скользящий луч на мгновение коснулся его губ — и ушёл.

Незнакомец ни на кого не смотрел специально.

Не искал знакомых.

Не пытался произвести впечатление.

И именно поэтому производил.

Он подошёл к зеркальной колонне, лениво опёрся о неё плечом и скрестил ноги.

Замер.

Наблюдая.

Так спокойно, словно находился не среди нескольких сотен людей, а в собственном кабинете, куда всех остальных по недоразумению впустили без разрешения.

Марго первой нарушила молчание:

— Боже...

Мила посмотрела на неё.

— Что?

— Какой породистый.

— Марго.

— Что «Марго»? Лица почти не видно, а класс видно сразу. Милка...

Она наклонилась ближе.

— Кажется, к нам пожаловал настоящий хищник.

Мила снова взглянула в сторону колонны.

В этот момент мужчина оттолкнулся от зеркальной поверхности и направился к бару.

Неспешно.

Не оглядываясь.

Ксюха вытянула шею.

— Ладно. Не будем лукавить. Это действительно хищник.

Она проследила за ним глазами.

— Мил, что скажешь?

Мила изобразила равнодушие:

— О ком?

— О Волке.

— Который идёт к бару?

Обе подружки посмотрели на неё.

— Она ещё издевается, — простонала Ксюха. — Типаж сумасшедший. Но абсолютно не мой. На нём буквально написано: «Циник. Эгоист. Не приближаться без нотариуса». Мне нужен принц из другой сказки.

Она прищурилась.

— А вот Милке...

Марго тут же оживилась:

— Хочешь сказать, Мила его потянет?

— Девочки.

— Что?

— Мы обсуждаем живого человека на расстоянии двадцати метров.

— Он нас не слышит.

— Это не делает нас приличнее.

Мила почувствовала, как под маской теплеют щёки.

Марго подалась ближе:

— Мил, маскарад для того и существует. Здесь все немного не те, кем являются днём.

Можно быть кем угодно.

Ксюха кивнула в сторону бара:

— Только этот, похоже, уверен, что его вообще невозможно ничем зацепить.

Мила снова посмотрела туда.

Волк уже сидел на высоком стуле, спиной к залу.

Что-то в его неподвижности раздражало.

Не высокомерие даже.

Уверенность.

Та самая мужская уверенность, которая без единого слова сообщала окружающим: можете стараться сколько угодно, решение всё равно принимаю я.

Мила чуть сузила глаза.

— Можно.

Ксюха моргнула:

— Что?

Мила сама услышала собственный голос будто со стороны.

Спокойный.

Ниже обычного.

Уверенный.

— Его можно зацепить.

Марго медленно улыбнулась:

— О-о...

— Без лица. Без имени. Без статуса. Только психология, голос и интрига.

— Мила...

— Что?

— Ты сейчас совершенно серьёзно?

Мила не отвела взгляда от Волка.

Её профессиональный разум уже успел объявить происходящее идиотизмом.

Но что-то другое — живое, азартное и слишком давно молчавшее — неожиданно проснулось.

— Абсолютно.

Марго округлила глаза:

— Спор?

Ксюха моментально придвинулась к столу:

— Срок! Нам нужен срок. Сколько тебе потребуется, чтобы такой мужчина сам начал искать встреч? Месяц? Два?

Мила ответила почти сразу:

— Две недели.

— Что?!

— Две недели.

Она наконец повернулась к подругам.

— Никаких имён. Никаких настоящих лиц. Никакой привычной игры в статус и деньги. Марго смотрела на неё уже без улыбки.

Мила продолжила:

— Интерес — мой. Темп — мой. Дистанция — тоже. Он получит ровно столько, сколько я решу дать.

Ксюха прижала ладонь к груди:

— Господи. Кто ты и куда дела нашу Милу?

— За две недели, — спокойно закончила Мила, — он сам захочет играть по моим правилам.

— Ты с ума сошла, — восхищённо прошептала Ксюха. — Удержать такого мужчину на одном интересе? В полном инкогнито? Это невозможно.

Пауза.

— Мне нравится.

Марго рассмеялась:

— На что спорим?

Мила задумалась лишь на секунду.

— Если проиграю, проведу каждой из вас индивидуальный ASMR-сеанс с полным погружением.

Ксюха фыркнула:

— А если выиграешь?

Мила посмотрела сначала на бабочку «Павлиний глаз».

Потом на Леди Баг.

Уголки её губ медленно поползли вверх.

— Тогда вы придёте на мою свадьбу в этих костюмах.

На несколько секунд за столом стало тихо.

Потом Марго и Ксюха одновременно расхохотались.

— Идёт! — Ксюха подняла бокал. — За Леди Кошку!

Марго стукнула своим бокалом о её:

— Таймер запущен.

Мила снова посмотрела на бар.

Волк сидел спиной к залу.

Он чуть изменил позу — едва заметно повернул голову, расслабил плечо и медленным движением положил предплечье на стойку.

Всего несколько движений.

Спокойных.

Экономных.

Будто даже тело этого человека не совершало ничего лишнего.

Мила задержала взгляд.

И внезапно у основания затылка возникло лёгкое покалывание.

Она замерла.

Тонкая волна скользнула вниз — по шее, между лопатками, вдоль позвоночника. Рассыпалась по рукам тысячей крошечных электрических импульсов и добралась до кончиков пальцев.

Мила перестала дышать.

На секунду.

Всего на одну.

В груди стало непривычно тесно.
Она медленно опустила взгляд на бокал.
Нет.
Трубочка коснулась льда.
Дзинь.
Мурашки?..
Мила снова посмотрела на мужчину.
Он по-прежнему сидел к ней спиной.
Не смотрел.
Не знал о её существовании.
Вообще ничего не делал.
Она быстро размешала остатки напитка.
Да нет.
Бред.
Ещё один круг.
Лёд зашуршал по стеклу.
Кондиционер.
Конечно.
В огромном зале работала мощная климатическая система.
Вот и всё.
Просто кондиционер.
— Прекрасная Леди Кошка подарит мне танец?
Мила вздрогнула.
Возле стола стоял мужчина в историческом камзоле и изящной маске.
Хорош собой.
Настолько, что при определённом освещении чем-то напоминал Криштиану Роналду,
если бы тот внезапно решил сняться в костюмной драме.
Мила едва удержалась от улыбки.
Подруги смотрели на неё с одинаковым выражением: иди.
Она перевела дыхание и протянула незнакомцу руку.
— Благодарю. С удовольствием.
Ксюха картинно простонала им вслед:
— Ну вот! Увела моего принца! Милка, как ты могла?
Мила уже почти не слышала её.
Кавалер повёл её к танцполу.
Джаз стал громче.
Чужая ладонь легла поверх её пальцев.
Вокруг двигались маски, шёлк, свет и тени.
А Мила краем глаза продолжала видеть тёмный силуэт у бара.
Он не сказал ей ни слова.
Даже не посмотрел в её сторону.
А кожа уже ответила.
Мила улыбнулась под маской и шагнула в танец.
Эксперимент начался.

Глава 2. Объект охоты

*Взглядом можно сказать всё, а между тем от взгляда всегда
можно отречься, так как он не может быть повторён в точности
Стендаль, «О любви»*

МАКС

Бал был в самом разгаре.

Старинный особняк дышал изысканным, тщательно организованным безумием: мимо проплывали нимфы, персонажи готических сказок, женщины в фантазийных нарядах и мужчины в утончённых венецианских масках.

Каждый самовыражался ровно настолько, насколько позволяли статус, фантазия и чувство меры.

Публика расслабилась. Знакомства завязывались легко, бокалы наполнялись дорогим шампанским, а мягкий полумрак сводил к минимуму риск быть узнанным.

Со сцены звучал живой джаз — знакомые темы в сложных, чувственных аранжировках. Официанты почти бесшумно лавировали между гостями с подносами. Девушки-волонтёры принимали пожертвования, хотя большинство приглашённых предпочитали переводить крупные суммы безналично.

Именно благотворительная часть вечера окончательно убедила Макса приехать.

Всё остальное было поводом переключиться.

После гибели жены работа стала самым надёжным способом не оставлять себе слишком много тишины. За несколько лет привычка контролировать каждую мелочь превратилась в броню — удобную, эффективную и почти непроницаемую.

Сегодня маскарад позволял хотя бы ненадолго её ослабить.

Макс стоял у бара с минералкой и без особого интереса наблюдал за танцполом.

Пока не заметил её.

Женщина-Кошка танцевала чуть в стороне от остальных.

Мужчина в костюме сказочного принца явно старался ей понравиться, но Макс почти сразу перестал замечать его усилия.

Она.

Чёрный шёлк плотно очерчивал точёную фигуру и при этом закрывал тело до самого горла. Длинные перчатки. Тонкая талия. Спокойная осанка.

Никакой демонстративной откровенности.

И от этого ещё хуже.

Макс медленно сделал глоток минералки.

Закрыта по горло — и выглядит соблазнительнее половины женщин в этом зале.

Кошка прекрасно чувствовала собственное тело. Не красовалась, не ловила мужские взгляды, не проверяла каждые несколько секунд, какое производит впечатление.

Просто двигалась.

Этого хватало.

Макс привык замечать внутреннюю уверенность раньше украшений, а хорошую осанку — раньше стоимости одежды. В незнакомке было то редкое спокойствие, которое невозможно купить вместе с приглашением на закрытый вечер.

Он перевёл взгляд на её кавалера.

Тот старался слишком заметно.

Макс усмехнулся.

Чем больше ты вокруг неё суетишься, приятель, тем меньше она тебя видит.

Его снова потянуло посмотреть на Кошку.

Кто она?

И почему вдруг стала единственным человеком в этом зале, которого ему захотелось рассмотреть ближе?

— Эй, Орловский.

Макс даже не обернулся.

— М-м?

— Я с тобой уже минуту разговариваю.

Алекс возник рядом и с подозрением посмотрел на его стакан.

— Вода?

— Минеральная.

— Спасибо, что уточнил. Я уже подумал, ты тайком перешёл на водку.

Макс усмехнулся.

— Ты же знаешь: предпочитаю трезво оценивать происходящее.

— Сегодня можно было сделать исключение.

Алекс проследил за его взглядом.

— А-а.

— Что?

— Так вот почему ты меня не слышишь.

Макс промолчал.

— Кошка?

— Она.

Алекс присмотрелся.

— Осанка хорошая. И двигается красиво.

— Наконец-то полезное наблюдение.

— Но лица ты не видел.

— Это временно.

Алекс хмыкнул:

— Самоуверенно.

— Реалистично.

— Предупреждаю: кошки — существа своевольные.

Макс посмотрел на него:

— Тем лучше.

— Ещё и царапаются.

— Значит, хотя бы не скучные.

Алекс рассмеялся.

— Узнаю тебя. Пять минут назад собирался тихо пережить благотворительный вечер, а теперь уже выбрал объект охоты.

Макс снова посмотрел на танцпол.

— Не драматизируй.

— Конечно. Ты просто совершенно случайно не сводишь с неё глаз.

— Я наблюдаю.

— Ну да. Научный интерес.

Макс собирался ответить, но Алекс поморщился:

— Кстати. Есть проблема.

— Какая?

— Полина тебя ищет.

Взгляд Макса похолодел.

— Зачем?

— Полагаю, чтобы найти.

— Очень содержательно.

— Спрашивала, где ты.

Макс недовольно поставил стакан на барную стойку.

— Какого чёрта она вообще здесь делает?

— У её мужа серьёзный бизнес и соответствующий круг знакомств. Она имеет ровно столько же прав находиться здесь, сколько и мы.

— Прекрасно. Тогда составь ей компанию.

— Даже не надейся.

Макс снова посмотрел на Кошку.

Музыка подходила к концу.

— Я пойду к ней. Следующий танец заберу себе.

— «Заберу»?

— Алекс.

— Молчу.

Макс не успел сделать и двух шагов.

Перед ним возникла высокая брюнетка в синем платье и такого же оттенка маске. В одной руке она держала бокал шампанского.

Полина.

Конечно.

Именно сейчас.

— Макс! Вот я тебя и нашла.

Она улыбнулась, чуть растянув гласные:

— Приве-е-ет. Думал, не узнаю?

Макс автоматически включил вежливую улыбку.

Полина обладала удивительным талантом появляться именно в тот момент, когда он меньше всего хотел её видеть.

Яркая, кокетливая, не склонная усложнять жизнь лишними чувствами. Когда-то именно эта лёгкость его устраивала. У Полины был муж, собственный мир и никаких иллюзий относительно их связи.

Удобно.

До тех пор, пока удобство не начинало раздражать.

— Привет, Полина. Хорошо выглядишь.

Она прищурилась:

— Только хорошо?

— Прекрасно.

— Так лучше.

Макс скользнул взглядом поверх её плеча.

— С мужем пришла?

— Нет. Он улетел.

Полина подошла ближе и коснулась его плеча.

— А ты вернулся. И даже под маской самый заметный мужчина здесь.

— Значит, маска не работает.

— На остальных — возможно. На мне — нет. Я тебя по походке узнаю.

Макс мысленно усмехнулся.

Алекс будет счастлив.

— Польщён.

Полина втянула воздух и улыбнулась:
— И запах тот же. Табак, кожа... Обожаю.
— Кого ты там высматриваешь? — тут же спросила она.
Макс снова поймал глазами танцпол.
Кошка всё ещё была там.
— Никого.
— Врёшь.
— Тогда зачем спрашиваешь?
Полина засмеялась.
— Потанцуем?
Макс на секунду помедлил.
Откажется — она начнёт выяснять почему.
Согласится — хотя бы ненадолго перестанет задавать вопросы.
— Пойдём.
Он обнял её за талию и вывел на танцпол.
— Макс, ты всё так же прекрасно танцуешь...
Полина прижалась ближе.
Он почти не слушал.
Его взгляд искал чёрный силуэт.
И нашёл.
Кошка танцевала с Принцем всего в нескольких метрах.
Полина оказалась спиной к ней.
Музыка замедлилась.
И тогда Женщина-Кошка подняла глаза.
Прямо на него.
Макс перестал слышать Полину.
Цвет глаз незнакомки в этом освещении определить было невозможно. Полумрак и скользящие лучи съедали оттенки, оставляя только взгляд.
Спокойный.
Прямой.
Слишком осознанный, чтобы быть случайным.
Она не отвела глаз.
Макс тоже.
Между ними двигались люди, менялись свет и тени, тянул саксофон, Полина что-то говорила возле его уха — и всё внезапно стало фоном.
Кошка смотрела на него.
Не смущённо.
Не призывно.
Изучающе.
Будто это не он несколько минут назад выбрал её.
А она — его.
Внутри что-то резко сорвалось вниз.
Почти физически.
Макс медленно вдохнул.
Вот это уже интересно.
Незнакомка чуть прищурилась. Уголки ярких губ едва заметно дрогнули.
И только после этого она повернулась к своему кавалеру и что-то ему сказала.
Макс поймал себя на совершенно нелепом желании.
Услышать её.

Не просто увидеть лицо.

Услышать голос.

Понять, совпадёт ли он с этим взглядом.

— Макс?

Голос Полины наконец пробился сквозь музыку.

— Ты меня вообще слушаешь?

Он всё ещё смотрел на Кошку.

— Не очень.

Полина проследила за его взглядом.

— Понятно.

МИЛА

Вот теперь всё стало совсем плохо.
Волк смотрел на неё через плечо брюнетки.
Не поглядывал.
Не скользил глазами по залу.
Смотрел.
На неё.

Мила продолжала двигаться в такт музыке, удерживая ладонь Принца и отвечая на его реплики вежливой улыбкой, но всё внимание уже находилось в другом конце танцпола.

Там.
У мужчины в чёрной маске.
Она прекрасно понимала, что разумнее всего первой отвести взгляд.
Не отвела.
Волк тоже.

Несколько секунд растянулись в отдельную реальность.
Между ними двигались пары. Мягко тянул саксофон. Чья-то юбка мазнула по её бедру.
Принц сказал что-то о музыке.

Мила не услышала.

Её тело уже снова включилось в ту странную игру, которую разум пока отказывался признавать.

Лёгкое напряжение у основания затылка.

Жар под кожей.

Слишком частый пульс.

И совершенно нелепое желание оказаться на месте женщины, которая сейчас так уверенно прижималась к Волку.

Мила мысленно выругалась.

Прекрасно.

Ты не знаешь его имени. Не видела лица. Он ещё ни слова тебе не сказал.

Но уже захотелось убрать из его рук другую женщину.

Очень научно.

Особенно для человека, который несколько часов назад рассуждал о механизмах сенсорного отклика.

Она снова встретила с Волком взглядом.

Ни тени смущения.

Напротив.

В его глазах было что-то почти вызывающее.

Будто между ними уже шёл разговор.

И совсем не о погоде.

Мила чуть прищурилась.

Пусть.

Раз уж ввязалась в этот идиотский спор, отступить через полчаса было бы совсем унижительно.

Она позволила уголкам губ едва заметно дрогнуть.

Совсем чуть-чуть.

И повернулась к Принцу.

В памяти неожиданно всплыла строка Сапфо:

«Богу равным кажется мне по счастью...»

Мила едва не усмехнулась.
Ну конечно.
Сапфо.
Сейчас.
Потому что собственного словаря организму уже, видимо, не хватало.
Жар под кожей.
Невозможность нормально вдохнуть.
Странная слабость где-то под рёбрами.
И раздражающее чувство, будто тело решило провести эксперимент самостоятельно, без согласования с исследователем.
Ей хотелось уйти.
И остаться.
Одновременно.
Музыка закончилась.
Принц чуть склонился к ней:
— Благодарю за танец, леди. Позвольте угостить вас чем-нибудь?
Мила моргнула, возвращаясь в зал.
— Спасибо. Может быть, позже.
Она мягко освободила руку прежде, чем кавалер успел предложить проводить её.
— Простите.
И быстро направилась к дамской комнате.
Ей требовались хотя бы две минуты без Волка.
Без его глаз.
И желательно без собственного идиотского пульса.
У зеркала Мила сняла маску и посмотрела на отражение.
Щёки горели.
Глаза тоже.
— Господи... Что с тобой, Мил?
— А вот ты где.
Мила вздрогнула.
В зеркало заглянула Марго.
— Где ещё двум приличным леди обсуждать мужчин, как не в дамской комнате?
— Очень смешно.
Марго встала рядом и внимательно посмотрела на неё.
— Ты какая-то... взбудораженная.
— Всё нормально.
— Конечно.
— Где Ксюша?
— Наша бабочка нашла бывшего.
Мила повернулась:
— Серьёзно?
— Они умудрились узнать друг друга под масками. Ещё вчера он был «последним эгоистом на планете», а сейчас там снова любовь до гроба.
Мила усмехнулась:
— Стабильность.
— Именно.
Марго поправила причёску.
— Меня, кстати, тоже ждут.
Она посмотрела на Милу через зеркало.

— Ну что? Спор в силе?
На губах Милы появилась медленная улыбка.
— А то.
— Ты с ним уже разговаривала?
— Нет.
— И как собираешься начать?
Мила снова надела маску.
— Придумаю.
Разговор с подружкой помог.
Пульс немного успокоился.
Она критически осмотрела отражение.
Осанка — отлично.
Губы — нормально.
Глаза...
Вот глаза выдавали всё.
Дверь открылась.
В дамскую комнату вошла та самая высокая брюнетка в синем платье.
Партнёрша Волка.
Мила невольно напряглась.
Женщина прошла к дальнему зеркалу, сняла маску и почти сразу достала телефон.
— Не знаю... Пока не знаю.
Она говорила негромко, но в относительно тихом помещении слова были слышны отчётливо.
— Ты же знаешь, как с ним бывает. Если захочет — поедет ко мне. Муж улетел... Нет, к себе он никогда не приглашает.
Пауза.
Брюнетка улыбнулась своему отражению.
— У меня обычно получается его убедить.
Мила отвела глаза.
Красивая.
И замужем.
Отчего-то внутри неприятно сжалось.
Прекрати.
Она вообще ничего не знала об этом мужчине.
Может быть, он сам женат.
Может быть, каждый подобный вечер заканчивает с новой женщиной.
Может быть, вся эта охота существует только в её собственной голове.
Правила маскарада просты: инкогнито.
Так почему бы не оставить всё здесь?
Вернуться к подругам.
Забыть спор.
Спокойно поехать домой.
Да.
Разумное решение.
Мила закрепила маску и вышла в коридор.
Музыка из зала здесь звучала глуше. Полутёмные ниши между колоннами почти растворялись в тенях.
Она замедлила шаг.
И прямо возле уха услышала:

— Привет.
Тело отреагировало раньше сознания.
По затылку прошёл резкий электрический разряд.
Тёплые ладони легли на её талию — уверенно, почти собственнически, но без нажима.
Мила замерла.
— Ну наконец-то...
Низкий баритон прошёл по коже второй волной.
Глубже.
Сильнее.
Мурашки мгновенно рассыпались по шее и вниз по позвоночнику.
Это он.
Волк.
И вот теперь Мила впервые слышала его голос.
Господи.
Именно голос оказался самым опасным.
Низкий, спокойный, чуть хриловатый. Без нарочитого соблазна — от этого только хуже.
Дыши.
Ты прекрасно знаешь, что такое сенсорный отклик.
Только знание почему-то совершенно не помогало.
Мила плавно шагнула вперёд, выскользнув из его рук, и повернулась.
Волк стоял совсем близко.
В полумраке верхняя часть лица почти скрывалась под маской и тенью, зато чёткая линия челюсти и лёгкая щетина попадали под мягкий боковой свет.
Он смотрел прямо на неё.
Спокойно.
Будто был абсолютно уверен, что она не уйдёт.
Мила чуть приподняла подбородок.
— Простите. Мы знакомы?
В его глазах мелькнуло веселье.
— А надо?
Она чуть сузила глаза.
— Тогда несколько необычное приветствие.
— После того как мы полвечера смотрели друг на друга?
Он сделал полшага ближе.
— Или начнём с визиток и должностей?
Мила едва удержала улыбку.
— Возможно, с имени.
— Зачем портить вечер формальностями?
Его голос снова прошёлся по коже.
Чёрт.
Волк протянул руку.
— Пойдём. Там тише.
Он кивнул на небольшой столик в глубине зала, частично скрытый колонной.
Мила посмотрела на его ладонь.
Вот он — момент, когда можно было уйти.
Вернуться к Марго.
Вызвать машину.
Забыть этого мужчину.

Она вложила пальцы в его руку.
Сознательно.
— Хорошо.
Его ладонь сомкнулась вокруг её пальцев.
Тёплая.
Сильная.
Мила пошла рядом.
Это просто физиология.
Очень убедительно.
Переведи разговор на свою территорию.
Ещё убедительнее.
Он явно привык к женскому вниманию. Это читалось в каждом движении — в отсутствии суесть, в спокойной уверенности, с которой он занимал пространство.
Ну хорошо, Волк.
Посмотрим.
Они сели.
Мужчина наклонился чуть ближе.
Теперь Мила почувствовала его парфюм отчётливо: горький бергамот, сухой табак, холодная кожа.
Запах почему-то мгновенно закрепился в памяти.
— Ну вот, — негромко произнёс он. — Теперь ты рядом, моя Кошка.
Одно слово.
Моя.
По затылку снова побежали мурашки.
Он заметил её реакцию.
Конечно, заметил.
Его взгляд стал внимательнее.
— Имя всё-таки есть?
Мила выдержала короткую паузу.
Потом намеренно опустила голос ниже, в тот регистр, которым пользовалась во время ASMR-сессий.
Чуть медленнее.
Мягче.
Ближе.
— Сегодня это не важно.
Он замер.
Совсем ненадолго.
Но Мила увидела.
— Ты сам предложил обойтись без визиток, — продолжила она почти вполголоса. — Пусть будет... Леди Кошка.
Несколько секунд мужчина просто смотрел на неё.
Теперь уже иначе.
Внимательнее.
— Вот это неожиданно.
— Что именно?
Его взгляд опустился на её губы.
— Голос.
Внутри у Милы вспыхнул профессиональный азарт.
— Что с ним?

— Я думал, сегодня меня уже ничем не удивить.
— А я вас удивила?
— Ты прекрасно знаешь ответ.
Мила чуть улыбнулась.
— И всё?
— Хочешь полный список?
— Возможно.
Он откинулся на спинку кресла.
— Боюсь, ночи не хватит.
Самоуверенный.
Ужасно.
И совершенно невыносимо привлекательный.
Мила решила вернуть себе инициативу.
— Как тебе маскарад?
— Нет.
Она моргнула.
— Что — нет?
Волк наклонился ближе.
— Только не надо сейчас про маскарад.
Он легко коснулся пальцем её подбородка.
— У тебя слишком умные глаза для дежурных вопросов.
Мила замолчала.
Вот этого она не ожидала.
— Мне нравилось смотреть, как ты двигаешься, — продолжил он. — А теперь нравится слушать.
— Это комплимент?
— Наблюдение.
— Удобная формулировка.
— Зато честная.
Его взгляд снова скользнул по её лицу.
— Обычно первое впечатление быстро портится, как только человек начинает говорить.
— А я?
Он выдержал паузу.
— Ты его испортила.
Мила прищурилась.
Уголок его рта дрогнул.
— В лучшую сторону.
Она тихо рассмеялась.
— Сомнительное спасение.
— Я не спасаюсь.
Теперь он совершенно открыто смотрел на её губы.
— Мне другое интересно.
— Что?
— Сколько времени ты заставишь меня смотреть на эту маску, прежде чем я захочу увидеть, что под ней.
Вот он.
Крючок.
Мила почувствовала, как азарт окончательно вытесняет растерянность.
— Может быть, сыграем?

Он чуть отстранился.
— Во что?
Мила выдержала паузу.
— Две недели.
— Уже интересно.
— Без имён. Без должностей. Без фотографий. Не пытаемся выяснить, кто другой на самом деле. Не ищем друг друга через знакомых и не пробиваем номера.
В его глазах мелькнула насмешка.
— Серьёзные правила.
— Ты испугался?
— Продолжай.
— Общаемся только инкогнито. Голос, сообщения, встречи — если оба захотим. Через две недели, если интерес останется, снимаем маски.
— А если нет?
— Расходимся и никогда не узнаём, кто скрывался с другой стороны.
Несколько секунд Волк молчал.
— То есть ты предлагаешь мне две недели соблюдать правила женщины, имени которой я даже не знаю?
— Именно.
— И не пытаться узнать?
— Особенно не пытаться.
Он тихо рассмеялся.
— Смело.
— Скучно тебе уже было.
Улыбка исчезла.
Взгляд стал острее.
Попала.
— Я не люблю игры, в которых правила устанавливал не я.
— Поэтому тебе и интересно.
Мила посмотрела на часы.
— Впрочем, ничего страшного. Ты прав: время дорого.
Она поднялась.
— Приятно было познакомиться.
Пять.
Сделала шаг.
Четыре.
— Подожди.
Три.
Его пальцы сомкнулись вокруг её запястья.
Твёрдо, но без боли.
Мила остановилась и медленно обернулась.
— Что?
— Ты только что предложила игру и уже уходишь.
— А ты только что отказался.
— Я сказал, что не люблю чужие правила.
Он смотрел на неё с уже совершенно откровенным интересом.
— Не сказал, что отказываюсь.
Мила промолчала.
— Две недели? — уточнил он.

— Две.
— Никаких имён?
— Да.
— Никакого поиска друг друга?
— Да.
Он отпустил её запястье.
— Договорились.
Мила вернулась за стол.
Сработало.
Волк чуть улыбнулся.
— Довольна собой?
— А заметно?
— Очень.
— Придётся тренироваться.
— Не надо. Мне нравится.
Он подозвал официанта.
Миле достался бокал шампанского. Волк взял минералку.
Она заметила.
— Не пьёшь?
— Предпочитаю помнить собственные решения.
— Даже плохие?
Он поднял стакан.
— Особенно плохие.
Мила коснулась его своим бокалом.
— За две недели.
— За любопытство.
Она сделала небольшой глоток.
Волк не отводил глаз.
Потом медленно наклонился.
Мила почувствовала его дыхание у губ.
Его взгляд опустился ниже.
На её рот.
Вернулся к глазам.
Ладонь поднялась к её затылку, пальцы скользнули под край волос.
Он остановился.
Между их губами оставались считанные миллиметры.
У неё была возможность отстраниться.
Мила не двинулась.
Только вдохнула.
И сама сократила оставшееся расстояние.
Поцелуй начался мягко.
Почти осторожно.
Но уже через секунду от осторожности ничего не осталось.
Не жадность.
Не грубость.
Спокойная, взрослая уверенность человека, который прекрасно понимал, что делает, и внимательно чувствовал ответ.
Тёплые губы.
Запах бергамота, табака и кожи.

Чужие пальцы у затылка.
Низкий шум музыки где-то далеко.
Тело Милы отозвалось резкой, глубокой волной, и на несколько секунд от всей её исследовательской терминологии не осталось ничего.
Только ощущение.
Слишком сильное.
Слишком настоящее.
Он отстранился первым.
Совсем немного.
Мила почти потянулась вслед.
Почти.
Волк это заметил.
Разумеется.
В его глазах появилось тихое мужское удовлетворение.
Негодяй.
Он достал телефон и протянул ей.
— Контакт.
Мила взяла аппарат.
На секунду задумалась, затем набрала отдельный рабочий номер, не связанный с её личными аккаунтами.
Одиннадцать цифр.
Поле «Имя» оставила пустым.
Вернула телефон.
Волк посмотрел на экран.
— Без имени?
— Правила.
— Разумеется.
Он сохранил номер.
— Я свяжусь первым.
— Самоуверенно.
— Практично.
Его взгляд снова задержался на ней.
— Посмотрим, Леди Кошка, насколько тебя хватит.
Мила чуть наклонилась ближе.
— Меня?
Он приподнял бровь.
— Ты уверен, что переживать нужно за меня?
На этот раз замолчал он.
Одно очко.
И почти сразу Милу неприятно кольнула мысль о брюнетке из дамской комнаты.
Замужняя женщина.
Его любовница?
А может, и он сам женат?
То, что мужчина никогда не приглашает её к себе, звучало подозрительно.
Азарт мгновенно получил неприятный привкус.
Мила поднялась.
— А теперь мне действительно пора.
Волк тоже встал.
— Уже?

— Нужно же оставить тебе хотя бы одну причину написать.
Его губы медленно тронула улыбка.
— Их уже больше одной.
Мила почувствовала, как снова становится жарко.
— Всего хорошего, Волк.
— До связи, Кошка.
Она развернулась и пошла через зал.
Музыка, маски, звон бокалов, свет — всё снова пришло в движение.
Не оборачиваться.
Она прибавила шаг.
Ни за что.
У самого выхода Мила почти физически почувствовала его взгляд между лопатками.
Но всё-таки не обернулась.
Игра началась.

Глава 3. Лёд и смарт - люкс

*Человек меньше всего похож на
себя, когда говорит от своего
имени. Дайте ему маску — и он
скажет вам правду.*

Оскар Уайльд, «Критик как художник», 1891

МАКС

— Может, уже взять себя в руки и поработать? Чёрт знает что за день. Где мой стандартный рабочий настрой?

Максим Орловский сидел в глубоком кресле кабинета, отделанного панелями из тёмного эбенового шпона, и сквозь панорамное остекление смотрел на дождливую Москву.

Понедельник начался серым.

Сити тонул в низкой дымке, стеклянные башни растворялись в мороси, и даже этот холодный монохром не помогал вернуть привычную железную концентрацию.

Мысли упорно возвращались во вчерашний полумрак особняка.

К ней.

Кошка ушла легко, почти вызываясь спокойно.

Не обернулась ни разу.

И именно это почему-то раздражало сильнее всего.

Макс медленно постукивал ручкой Montblanc по полированному краю стола. Он мог прямо сейчас удалить номер.

Заблокировать.

Закрыть эту нелепую двухнедельную игру, пока она толком не началась.

Разумное решение.

Только палец почему-то не тянулся к телефону.

Вчера ему стоило неожиданно больших усилий остаться на месте и не пойти вслед за незнакомкой. Хотелось остановить её. Удержать ещё на минуту. Снять эту чёртову маску и наконец понять, кто скрывается под ней.

Особенно после поцелуя.

Макс раздражённо отложил ручку.

Ему тридцать семь, а не семнадцать.

В его окружении хватало красивых, образованных, статусных женщин, чьи имена, лица и биографии не приходилось угадывать.

Но Кошка...

Она оставила слишком много пустого пространства.

Ни имени.

Ни лица.

Ни привычных ориентиров.

Только голос.

Взгляд.

Запах.

И правила, установленные не им.

Последнее раздражало особенно.

Макс привык просчитывать людей на несколько ходов вперёд. Здесь же перед ним была практически слепая зона.

И, судя по всему, именно поэтому она не выходила из головы.

Хватит.

Работать.

Он открыл на мониторе отчёт по аудиту европейского гостиничного направления.

Первая страница.

Вторая.

На третьей Макс обнаружил, что последние две минуты просто смотрит в таблицу, не воспринимая ни одной цифры.

— Великолепно.

Взгляд снова упал на телефон.

Нет.

Писать первым он обещал сам.

Это ничего не означало.

Макс взял аппарат, открыл пустой контакт и несколько секунд смотрел на поле сообщения.

Потом быстро набрал одну фразу.

Перечитал.

Отправил.

И положил телефон экраном вниз.

В ту же секунду дверь кабинета открылась.

— Здорово, дружище. Выспался?

Алекс вошёл без стука — как человек, которому это позволялось уже много лет, — и небрежно положил кожаную папку на край стола.

— Ну как? Полина или загадочная Женщина-Кошка не дали сомкнуть глаз?

Макс прикрыл короткий зевок чашкой эспresso.

— Спал прекрасно.

Ложь прозвучала достаточно убедительно.

Алекс опустился в кресло напротив.

— А Полина?

— Отправил домой на такси. Она перебрала.

— Бывает.

— Бывает. Но мне не нравится, когда человек перестаёт чувствовать меру.

Алекс усмехнулся:

— Особенно если потом этот человек начинает висеть у тебя на шее?

Макс бросил на него холодный взгляд.

— Ты был там. Сам видел.

— Видел. Зато с ней всё предельно понятно. Никаких загадок, никаких скрытых смыслов.

Макс встал и подошёл к окну.

— Вчера понятность довольно быстро превратилась в навязчивость.

— Суров ты стал, Орловский.

Макс ничего не ответил.

Алекс выдержал паузу.

— Зато с Кошкой всё было иначе.

Макс медленно обернулся.

— Я видел вас вчера, — продолжил Алекс. — И, признаться, удивлён, что ты отпустил её одну.

По предплечью Макса прошла едва заметная колющая волна.

Раздражающе знакомая.

И совершенно некстати.

Он вернулся к столу.

— Номер у меня.

— Уже достижение. А продолжение вечера?

— Не было.

Алекс поднял брови.

— Серьёзно?

— Тебя это так поражает?

— После того как ты полвечера смотрел на неё так, будто остальные гости перестали существовать? Немного.

Макс усмехнулся.

— Она не из тех, кто выбирает короткий сценарий.

— Уже успел определить?

Макс задумался.

— В ней есть самообладание. Настоящее или очень качественно сыгранное — пока не решил.

— А лицо?

— Толком не видел. Цвет глаз тоже. В том свете невозможно было разобрать.

Он замолчал.

Перед внутренним взглядом снова возникли губы под чёрной маской.

— Зато голос...

Алекс мгновенно это заметил.

— Что — голос?

Макс нахмурился, будто сам был недоволен тем, что произнёс это вслух.

— Необычный.

— Ты сейчас серьёзно обсуждаешь со мной женский голос?

— Алекс.

— Всё-всё. Просто фиксирую исторический момент.

Макс проигнорировал его.

— Мы заключили соглашение.

— Какое ещё соглашение?

— Две недели инкогнито. Без имён, фотографий и попыток выяснить, кто скрывается по другую сторону. Потом либо снимаем маски, либо расходимся.

Алекс несколько секунд смотрел на него.

— Ты согласился?

— Как видишь.

— Добровольно?

— Не испытывай судьбу.

Алекс рассмеялся.

— Орловский, ты впервые в жизни вошёл в игру, где правила написал не ты.

— Временно.

— А-а. Вот теперь узнаю.

Он задумчиво покачал головой.

— Не боишься, что твоя Кошка окажется Далилой?

Макс приподнял бровь.

— А я похож на Самсона?

— Самсон, вероятно, тоже был высокого мнения о себе.

Макс усмехнулся:

— Закончили?

— Почти. Когда увидите снова?

— Когда решу.
— Конечно.
Алекс кивнул на лежащий экраном вниз телефон.
— А написал уже сейчас?
Макс медленно поднял на него глаза.
— Тебе жить надоело?
— Всё понял.
Он поднял руки, продолжая улыбаться.
Макс закрыл отчёт.
— Обсудили мою личную жизнь?
— С огромным сожалением.
— Тогда по делу.
Выражение его лица изменилось почти мгновенно.
— Конференц-зал. Все уже ждут. По слиянию есть несколько решений, которые нужно утвердить сегодня. Захвати зелёную папку.
Алекс поднялся и взял планшет.
— Да, босс.
У двери он остановился.
— Кстати, сегодня приезжает исследовательница из университета. По той экспериментальной программе.
— Прими её сам.
— Очень гостеприимно.
— Ты программу курировал — тебе и вводить её в курс дела. Покажи помещение, проверь оборудование. После совещания у меня ещё два звонка, к часу уеду.
— Понял.
Алекс уже открыл дверь, но снова обернулся:
— Ты хоть помнишь, что мы тестируем?
— Что-то успокаивающее.
— ASMR.
Макс тихо хмыкнул:
— До сих пор звучит как завуалированное БДСМ.
Алекс рассмеялся.
— Я всё-таки почитал. Шёпот, тембр, близкие звуки, разные сенсорные триггеры. У некоторых от этого мурашки по коже.
Макс замер буквально на полшага.
Мурашки.
Очень смешно.
— Вот только их мне сегодня и не хватало.
— Берегись. Вдруг тебя голосом поставят на колени.
Макс открыл дверь конференц-зала.
— Мечтай.
Разговоры внутри почти сразу стихли.
Он вошёл — привычно собранный, холодный и совершенно непохожий на мужчину, который пять минут назад отправил сообщение женщине, лица которой не видел.
— Добрый день, господа.
Макс занял место во главе стола.
— Начнём.

МИЛА

В приёмной президента NewFlow Милу Королёву встретила Елена Викторовна.

Статная женщина с безупречной осанкой, спокойным лицом и очень внимательным, умным взглядом.

В ней не было ничего от журнального образа эффектной секретарши при большом боссе. Совсем другой уровень.

Та сдержанная респектабельность, которую невозможно приобрести вместе с должностью. Только годами внутри большой системы, где цена ошибки иногда измеряется не выговором, а миллионами.

— Мила Дмитриевна?

— Да. Добрый день.

— Рада познакомиться. Сегодня вас примет Алексей Михайлович. Он освободится буквально через несколько минут.

Елена Викторовна открыла массивную дверь из тёмного дерева.

— Подождите, пожалуйста, здесь.

— Благодарю.

Сегодня Мила выглядела именно так, как собиралась выглядеть перед руководством международного холдинга.

Ни единого следа вчерашней Женщины-Кошки.

Глубокий тёмно-синий блейзер строгого кроя с винтажными золотыми пуговицами. Шёлковая блузка цвета плотного крема. Прямые брюки из тонкой шерсти. Минималистичные тёмные лоферы Logo Piana.

Никаких заметных логотипов.

Только посадка, ткань и качество.

Волосы были собраны в гладкий низкий хвост. Тонкая титановая оправа делала лицо строже, а тяжёлая винтажная булавка на лацкане добавляла ровно столько характера, чтобы образ не превратился в корпоративную униформу.

Смарт-люкс.

Уверенность без демонстрации цены.

Вчера в этом же городе она танцевала в маске Кошки и заключала безумное пари с незнакомцем.

Сегодня Мила Королёва пришла сюда как исследователь.

Холодная голова.

Чёткая задача.

Кандидатская.

Она вошла в просторный кабинет и остановилась.

Тишина.

Мягкий дневной свет.

Тёмное дерево, натуральный камень, кожа коньячного оттенка, строгая геометрия мебели.

Никакого кричащего офисного пафоса, который Мила почему-то ожидала увидеть в Сити.

Здесь всё было дорого.

И всё об этом молчало.

Она медленно прошла к панорамному окну.

И вдруг остановилась.

Запах.

Едва уловимый.
Горький бергамот.
Сухой табак.
Холодная кожа.
По затылку мгновенно пробежала тонкая волна мурашек.
Мила замерла.
Нет.
Не может быть.
Она чуть глубже вдохнула.
Тот же рисунок аромата.
Или очень похожий.
В памяти без разрешения вспыхнул полумрак.
Чёрная маска.
Тёплая ладонь.
Поцелуй.
Мила раздражённо одёрнула себя.
Просто похожий парфюм.
Москва переполнена мужчинами, покупающими дорогую селективную парфюмерию.
Совпадение.
Только сердце почему-то уже ускорилося.
— Прекрасно, — едва слышно пробормотала она. — Теперь я ещё и запахи галлюцинирую.
Мила отвернулась к окну.
За стеклом лежала мокрая Москва. Машины далеко внизу казались почти игрушечными, а соседние башни уходили верхними этажами в серую дымку.
На такой высоте Сити действительно ощущался отдельным городом.
Собственные скорости.
Собственные правила.
Собственная гравитация денег.
Мила ещё раз мысленно прокрутила программу проекта.
Сегодня её должен был принять Алексей Михайлович.
Судя по кабинету и по тому, как Елена Викторовна произнесла его имя, именно он и был тем самым главой NewFlow, о котором вскользь говорили подруги.
Кажется, имя называли другое.
Или ей уже мерещилось всё подряд после вчерашней ночи.
Неважно.
Ей нужно провести исследование, собрать материал и защитить кандидатскую.
В чужой корпоративной генеалогии она разберётся как-нибудь потом.
Мила прошла к зоне отдыха и опустилась в кожаное кресло.
Мила ещё раз просмотрела план исследования и отложила планшет.
Рядом лежал телефон. Она машинально коснулась экрана.
Одно непрочитанное сообщение.
Незнакомый номер.
Сердце тут же сделало совершенно непрофессиональный скачок.
Здравствуй, Кошка. Скажи честно: думала обо мне?
Мила перечитала сообщение.
Один раз.
Второй.
На губах сама собой появилась улыбка.

Волк не заставил себя ждать.
Разум подсказывал выдержать паузу.
Не отвечать сразу.
Пусть думает.
Пусть ждёт.
Пусть хотя бы час не понимает, насколько точно попал.
Отличный план.
Мила открыла клавиатуру.
Здравствуй. Думала.
Стерла.
Слишком просто.
Здравствуй. Возможно.
Снова стерла.
Слишком очевидная игра.
Она прикусила внутреннюю сторону губы.
А потом написала правду.
Здравствуй. Думала о тебе. Даже больше, чем следовало.
Несколько секунд смотрела на экран.
Это уже было опасно.

И именно поэтому нравилось.
Палец коснулся кнопки «Отправить».
В ту же секунду за её спиной раздался мужской голос:
— Простите. Не хотел вас напугать. Мила Дмитриевна?
Она едва заметно вздрогнула, спокойно заблокировала телефон и поднялась.
Перед ней стоял высокий мужчина с открытым, добродушным выражением лица. Волосы были убраны назад, аккуратная борода только подчёркивала расслабленную взрослую уверенность. Совсем не тот холодный корпоративный типаж, которого Мила ожидала увидеть во главе NewFlow.

Он улыбался совершенно естественно.
— Вы в порядке?
— Да, благодарю. Просто задумалась.
Мила протянула руку.
— Мила Королёва.
— Алексей Михайлович, — представился он, пожимая её ладонь. — Рад познакомиться.
— Взаимно.
Он собирался указать на кресло, но вдруг задержался.
— Простите за нескромность...
Мила вопросительно посмотрела на него.
— У вас потрясающий голос.
Она слегка улыбнулась.
— Спасибо.
— Очень глубокий тембр. Неожиданный.
— Голос — часть моей работы.
— Теперь понятно.
Алекс указал на кресло.
— Прошу.
Мила села.
Реакция была знакомой.
Люди часто воспринимали голос как нечто полностью данное от природы.

Как цвет глаз.

Рост.

Форму рук.

На самом деле за её профессиональным регистром стояли годы работы: дыхание, опора, артикуляция, темп, паузы, контроль выдоха.

Голос тоже можно было одеть.

Почти как тело.

А иногда — гораздо интимнее.

Алекс открыл планшет и начал рассказывать о структуре NewFlow, задачах университетского проекта и сотрудниках, согласившихся участвовать в исследовании.

Мила слушала внимательно, делая пометки.

Телефон уже лежал в сумке.

Но сознание всё равно помнило о только что отправленной фразе.

Думала о тебе. Даже больше, чем следовало.

Господи.

Она действительно это написала.

— ...насколько я понял из бумаг, на первом этапе вам важнее сама сенсорная и автономная реакция, а не какая-то мифическая мгновенная производительность, — говорил Алекс. — Но научную формулировку вы потом поправите. Я туда не лезу.

— И правильно делаете, — улыбнулась Мила. — Мы фиксируем индивидуальный отклик, а не пытаемся за пятнадцать минут сделать из руководителя более эффективного руководителя.

— Уже спокойнее.

Он вдруг внимательнее посмотрел ей в лицо.

— Можно странный вопрос?

— Попробуйте.

— Линзы?

Мила не поняла.

— Простите?

— Глаза.

Алекс рассмеялся.

— Я сейчас прозвучал как человек, который совершенно забыл про деловые границы. Но цвет невероятный. Это линзы или свой?

Мила невольно улыбнулась.

— Свой.

— Тёмная бирюза?

— Скорее морская волна.

— Очень редкий оттенок.

— Наследство от прабабушки по материнской линии.

Алекс покачал головой.

— Забавно. У моего близкого друга тоже совершенно ненормальные глаза. Только у него синие — глубокий индиго. Тоже семейная история.

Мила поправила очки.

— Генетика любит сюрпризы.

— Это точно.

Алекс поднялся.

— Ну что? Покажу вам ваше рабочее место?

— С удовольствием.

Они вышли из кабинета.

У двери Мила на секунду задержалась.

И снова едва уловила этот запах.

Бергамот.

Табак.

Кожа.

По позвоночнику прошла короткая волна.

Нет.

Она решительно вышла в коридор.

Просто совпадение.

Панорамный лифт поднял их этажом выше.

Когда двери раскрылись, Мила невольно замедлила шаг.

Перед ней начинался настоящий зимний сад.

Высокие деревья под стеклянным куполом. Редкие тропические растения. Вода тонкой стеной стекала по тёмному камню. Огромные аквариумы давали мягкие движущиеся отблески на полу.

После холодной геометрии офисных этажей пространство казалось почти невозможным.

— Это всё для сотрудников? — спросила она.

— Частично. Здесь проводят неформальные встречи, иногда работают между совещаниями. Некоторые просто приходят посидеть десять минут без телефона.

Мила огляделась.

— Разумно.

— Я ожидал «расточительно».

— Одно другому не мешает.

Алекс рассмеялся.

— Вы мне уже нравитесь.

Мила снова посмотрела на пространство.

Умный ход.

Не просто игрушка для демонстрации богатства, а управляемая смена сенсорной среды: после стекла, экранов, искусственного света и переговорных — вода, растения, рассеянный свет.

Корпорация действительно улавливала тренды раньше, чем они становились массовыми.

В конце сада Алекс открыл тяжёлую дверь.

— А теперь ваше царство.

Мила вошла.

И остановилась.

— Вот это уже серьёзно.

Помещение было просторным и практически полностью акустически изолированным.

Панорамные окна закрывали автоматические светопоглощающие панели. Кабели были спрятаны, на стене находился сенсорный блок управления. Не слышалось даже привычного фонового гула вентиляции.

Мила прислушалась.

Тишина была почти физической.

Плотной.

— Хорошо? — спросил Алекс.

Она медленно улыбнулась.

— Очень.

Он коснулся панели на стене.

Освещение плавно снизилось.

Без щелчка.

Без звука реле.

Комната погрузилась в мягкий полумрак.

— Вентиляцию вынесли за акустический контур, — пояснил Алекс. — Фонтан из сада тоже не слышно.

Мила кивнула.

— Отлично.

Алекс повёл её дальше.

Рабочая зона исследователя была отделена акустической перегородкой с односторонним затемнённым стеклом.

Вот здесь Миле уже захотелось потрогать всё руками.

На столе стояли несколько конденсаторных микрофонов, аудиоинтерфейс, предусилители, профессиональные мониторы и главный инструмент — бинауральная микрофонная голова с анатомическими ушными раковинами.

Мила подошла ближе и провела взглядом по оборудованию.

— Вы действительно купили всё по спецификации.

— Мы умеем читать списки.

— Редкое корпоративное преимущество.

Алекс усмехнулся.

Рядом были аккуратно разложены предметы для триггеров: мягкие кисти, текстурные камни, деревянные пластины, стеклянные колбы, кинетический песок, тонкая бумага.

За перегородкой располагалась зона участников.

Глубокие кресла.

Профессиональные стереонаушники.

Индивидуальные боковые панели, которые одним нажатием создавали вокруг каждого человека визуальный кокон.

Мила проверила угол обзора.

Из своей рабочей зоны она прекрасно видела кресла.

Участники её — нет.

Идеально.

— Именно так и нужно, — произнесла она. — На первом этапе они не должны видеть человека, который создаёт стимул. Только слышать и фиксировать собственную реакцию.

— Полная анонимность?

— Максимально возможная. Иначе появится дополнительная переменная: внешность, мимика, ожидания от человека перед тобой.

Алекс кивнул.

— Звучит логично.

— Так и есть.

Он посмотрел на бинауральную голову.

— Странная штука.

— Зато полезная. Она помогает воспроизвести то, как звук приходит к человеческим ушам в пространстве. Если всё настроено правильно, в наушниках появляется ощущение, будто источник действительно находится рядом.

— То есть вы можете прошептать человеку почти в левое ухо, не находясь возле него?

— Именно.

Алекс посмотрел на неё.

— С вашим голосом это почти нечестно.

Мила спокойно улыбнулась:

— Наука вообще редко бывает справедливой.

— Запишу.

Она открыла планшет и проверила интерфейс.
Код участника.
Пульс.
HRV.
EDA.
Частота дыхания.
Без имени и должности.
Так, как она и просила.
Минимум предварительных установок.
Минимум статуса.
Только человек и его реакция.
— Завтра я буду здесь в десять, — сказала Мила. — В тринадцать первый пробный сеанс.
Потом индивидуальные беседы и фиксация субъективных ощущений.
— Расписание будет автоматически приходить на ваш рабочий компьютер.
— В интерфейсе участников остаются только коды?
— Да. И те показатели, которые согласованы с университетом.
Мила удовлетворённо кивнула.
— Отлично.
Алекс достал визитку.
— Мой прямой номер. Если техника решит устроить бунт или потребуется что-то ещё
— звоните.
Мила взяла карточку.
— Спасибо.
— Тогда до завтра.
— До завтра.
Он вышел.
Тяжёлая дверь мягко закрылась.
Тишина вернулась мгновенно.
Мила постояла несколько секунд, наслаждаясь ею, потом опустилась в кресло.
Сняла очки.
Закрыла глаза.
И тут же совершила ошибку.
В памяти возник вчерашний поцелуй.
Чужое дыхание.
Тёплые губы.
Пальцы у затылка.
И низкое «Привет» совсем рядом с ухом.
По коже медленно прошла волна.
Мила открыла глаза.
— Это уже становится неприлично.
В пустой комнате собственный голос прозвучал особенно близко.
Она достала телефон.
Под её сообщением стояло:
Прочитано.
И больше ничего.
Мила прищурилась.
Так.
Значит, решил выдержать паузу?
Хорошо.

Она медленно надела очки.

Уголки губ дрогнули.

— Думай, Волк.

Тишина поймала её шёпот и поглотила без остатка.

— Игра только начинается.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.